

©2012 г.

С.Д. ЛЕБЕДЕВ, В.В. СУХОРУКОВ

ТЕСНЫЙ ПУТЬ НЕ ТУДА?

ЛЕБЕДЕВ Сергей Дмитриевич - кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью Института государственного и муниципального управления НИУ "Белгородский государственный университет" (E-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru). СУХОРУКОВ Виктор Викторович - аспирант кафедры социальных технологий того же института.

***Аннотация.** Одной из узловых проблем социологии религии является отсутствие консенсуса относительно критериев религиозности. Авторы критикуют одну из наиболее известных методик определения православной религиозности – воцерковленности В.Ф. Чесноковой («В-индекс»). Доказывается ошибочность традиционной методики В-индекса с качественной и с количественной стороны (при некоторых допущениях). Предложены способы корректировки социологического инструментария измерения воцерковленности.*

Ключевые слова: воцерковленность · православие · религиозность · социология религии

*Нужен приток свежего воздуха, новой крови,
иных мыслей. Надо поставить все с головы на ноги.*

*А.И. Лебедь
«За державу обидно»*

Мероприятия государственной и муниципальной власти, затрагивающие религиозные вопросы, актуализируют не только гражданскую, но и научную дискуссию о социальной роли религиозных организаций и религии в целом. Оставив в стороне прескриптивный аспект темы и уклонившись от ответа на вопрос, должна ли религия быть влиятельной (ибо такой тезис сразу переводит любой текст из научной плоскости в практическую – этическую и политическую), вынуждены констатировать, что даже по поводу дескриптивного аспекта темы единое мнение в научном сообществе отсутствует. Российские социологи оказались неспособны выработать согласованную позицию относительно того, насколько реально влиятельна религия как социальный институт в наши дни. Поскольку нет доказательств влияния личного отношения ученых к религии на их теоретические позиции, мы не станем искать причины научных разногласий на почве их религиозных взглядов. Следует исходить из того, что при всех различиях в подходах и интерпретациях существует теоретический консенсус – предположение о наличии четкого критерия религиозной вовлеченности личности, что предполагает квантификацию религиозности.

Этой логики не придерживаются, пожалуй, лишь отдельные исследователи: «...чтобы называть секуляризацией трансформацию религиозности как таковой, необходимо определить, что считать религиозной нормой, что... затруднительно, если мы не стоим на теологических позициях» [Узланер, 2008: 64]. Такой агностицизм в отношении религиозности проистекает из стремления выработать ее абсолютные критерии, универсальные для всех религий. Но, как показано [Лебедев, 2010: 89-91], данная методологическая установка к настоящему времени исчерпала эвристический потенциал. Рефлексия Позднего модерна переносит предметный фокус внимания с гипотетической «религии вообще» на конкретную религию, как она есть в данном локусе социального пространства и времени. Соответственно, критерии, показатели и индикаторы религиозности должны переориентироваться на аутентичную логику религиозных культур. Если перейти на такие относительные позиции и измерять религиозность респондента в соответствии с требованиями той религии, к которой он сам себя причисляет, то методологическое затруднение с фиксацией религиозности социологическими методами исчезает. Обратим внимание на одну из религий – православное христианство, основной организацией которого на территории РФ является Русская Православная Церковь Московского Патриархата. Камнем преткновения для социологически корректной интерпретации православной религиозности служит политически ангажированная привязка данной теоретической проблемы к оценке социального влияния РПЦ МП. Причем оценочная шкала сводится к ценностнорациональной дихотомии: является ли такое влияние фундаментальной общественной реальностью постсоветской России или оно – беспочвенный информационный конструкт, выгодный группе профессиональных священнослужителей и активных мирян данной конфессии?

Чтобы социологически корректно поставить вопрос, следует дистанцировать его от ценностно нагруженных понятий. Необходимо нормировать ответы респондента не на умозрительные философские концепции религии, а на конкретные требования, предъявляемые к верующим на институциональном уровне (неважно, закрепленные формально или нет, хотя наличие официальной религиозной доктрины, конечно же, сильно упрощает дело). Применительно к традиции православия, общее понятие «религиозности» принимает форму частного понятия «воцерковленности». При этом представителями противоборствующих лагерей социологов «религиозность» и «воцерковленность» интерпретируется неоднозначно [Лебедев, 2005: 156-158], в силу чего последняя вычисляется по-разному. Противоположные оценки социальной базы РПЦ обусловлены именно различными эмпирическими оценками глубины воцерковленности верующих. Хороший обзор наиболее распространенных методик дан в [Филатов, Лункин, 2005].

Мы хотели бы сфокусировать внимание на В-индексе, разработанном В.Ф. Чесноковой – известной российской исследовательницей феномена воцерковленности; именно она ввела это понятие в научный оборот [Чеснокова, 2005]. Её разработки вышли на международный уровень: «In the two most thorough analyses of Orthodox religious life in Russia, V.F. Chesnokova has shown that religiosity and churchliness are complex processes that cannot be gauged by any one indicator. Her analysis explored the Orthodox religiosity of Russians using a complex array of indicators...» [Marsh, 2008: 90]. В России В-индекс используется в трудах [Алексеева, 2009], [Богатова, 2011] и других. Велик вклад и Ю.Ю. Синелиной, хотя она использует разработки В.Ф. Чесноковой в несколько видоизмененной форме [Синелина, 2005; 2006; 2009], не затрагивающей фундаментальных оснований воцерковленности. Наша задача – продемонстрировать, что В-индекс нуждается в значительно более глубокой модернизации, до проведения которой все результаты, полученные с его помощью, представляются недостаточно корректными.

Качественная критика В-индекса. В данной методике акцент делается преимущественно на показатели религиозного поведения с предварительным вопросом-фильтром на религиозную самоидентификацию. Блок основных вопросов В-индекса (т.е. тех, которые не опускаются ни в каком исследовании) операционализирует религиозное поведение православных, и лишь в блоке дополнительных вопросов (которые могут быть опущены) есть пункты, относящиеся к религиозному сознанию: о знании молитвы «Символ веры» и о знании церковно-славянского языка. Апостол Иаков утверждал, что вера без дел мертва. Однако дела сами по себе – без ясного осознания их религиозного смысла – не могут быть свидетельством веры. Человек может молиться церковными молитвами из суеверно-магических соображений; он может поститься вовсе не для духовного очищения, а по диетологическим мотивам (добавим: и слушать радио «Радонеж», когда нет более привлекательного занятия). Можно ли

считать такого часто молящегося и постящегося человека глубоко воцерковленным? По методике Чесноковой – да, конечно, можно, потому что он достиг высшей позиции хотя бы по одной из переменных (например, по молитве), тем самым оказавшись в группе «церковного народа». Но на самом деле – нет. Причем исследовательница это понимает: «В настоящее время многие люди голодают и постятся ради оздоровления, а так же будучи приверженцами различных сект, у которых свои посты, иногда очень строгие. Но нас они не интересуют, поскольку мы изучаем не отказ от пищи сам по себе, но пощение как показатель воцерковленности» [Чеснокова, 2005: 24]. Является ли пощение показателем воцерковленности (или же показателем «диетологичности»), можно установить только с помощью вопросов на религиозное сознание, а конкретно – на понимание доктринального аспекта пощения. Но Чеснокова отказывается от таких вопросов, хотя понимает их необходимость. Этот отказ может быть мотивирован стремлением включить таких «диетологических» и «окультурно-молитвенных» православных в число воцерковленных и тем самым увеличить размеры этой группы «на бумаге». Ниже, при анализе вопроса о религиозной литературе, такая тенденция проявится особенно выпукло. Таким образом, приоритет религиозного поведения перед религиозным сознанием в данном вопросе оказывается весьма сомнительным. Тем более что в [Локосов, Синелина, 2008] рассматривается возможность гармоничного сочетания методик социологического определения религиозного сознания и поведения.

Как признает Чеснокова, при построении шкал она уклонялась от церковных канонов в сторону их облегчения, т.е. число православных заведомо завышается благодаря менее строгому критерию отбора: «Апостольские правила у нас никто не отменял, но современный человек имеет огромное количество уважительных причин, мешающих ему пойти в храм и отстоять там службу. И духовенство относится снисходительно особенно к недавним членам Церкви, обремененным семьей, работой, иногда болезнями и немощами» [Чеснокова, 2005: 20]. Иными словами, в качестве оговорки в логику рассуждения вносится понятие «икономии». Однако ссылки на возможность икономического смягчения канонов неубедительны, потому что «Православная Церковь не имеет до сих пор официальной доктрины икономии, даже несмотря на попытки вынести обсуждение этой проблемы на межправославный уровень» [Пашков, 2011: 34]. Поэтому основывать нормировочный компонент социологического инструментария оценки воцерковленности на концепции икономии, как это делает Чеснокова, нельзя. При отсутствии доктрины, с которой нужно сопоставить ответы респондента (и на этом основании решить, насколько он религиозен), получаемые результаты в лучшем случае сомнительны, а в худшем – ложны. Следует подчеркнуть, что здесь может возникнуть подспудное смешение понятий «религиозности» и «воцерковленности». Характер зависимости между интенсивностью и содержанием личного религиозного верования и выполнением канонических требований Церкви, действительно, является спорным вопросом (в частности, авторы настоящей статьи

придерживаются противоположных точек зрения). Поэтому отрицать за современным человеком статус «верующего» только на том основании, что он не соблюдает всех конфессиональных предписаний, представляется чрезмерным радикализмом. Однако у В.Ф. Чесноковой речь идет именно о воцерковленности – то есть о включенности личности в православную религиозную традицию, предполагающей глубокую интеграцию в культурный и общественный контекст церковной жизни, комплексную религиозную социализацию и инкультурацию. Здесь же, как представляется, никакого существенного отклонения от канонических правил и установлений допускаться не может, поскольку иначе утрачивается сам смысл понятия «воцерковленность».

Рассмотрим, каким образом доктринально неутвержденные принципы икономии повлияли на В-индекс. «Первая и очень важная переменная (поскольку является условием для некоторых других элементов образа жизни) – это частота посещения храма. Как часто христианин должен посещать храм? В принципе, каждое воскресенье и во все великие праздники. Этот принцип идет с древнейших времен, и, согласно апостольскому правилу, человек, пропустивший без уважительной причины три воскресных Богослужения подряд, считался отпавшим от церковной общины» [Чеснокова, 2005: 19]. Такая позиция сформулирована в 9-м апостольском правиле: «Всех верных, входящих в церковь и писания слушающих, но не пребывающих на молитве и святом причащении до конца, как бесчиние в церкви производящих, отлучать подобает от общения церковного» [Апостольские правила]. Аналогичное требование есть и во 2-м правиле Антиохийского собора: «Все, входящие в церковь и слушающие Священные Писания, но, по некоему уклонению от порядка, не участвующие в молитве с народом или отвращающиеся от причащения Святой Евхаристии, да будут отлучены от Церкви дотоле, как исповедуются, окажут плоды покаяния и будут просить прощения, – и таким образом возмогут получить оное» [Правила Антиохийского...]. Но верхнюю позицию шкалы занимает ответ «Раз в месяц или чаще», значит, человек, посещающий только раз в месяц и тем самым пропускающий три богослужения подряд (т.е. отпавший от общины), все-таки может оказаться в наивысшей группе Ц! Из этого следует, что инструментарий Чесноковой не соответствует изучаемому объекту. Не только в древние времена, но и в XX в. христиане были готовы отдать и отдавали за веру даже свои жизни, в том числе мученическим способом! На этом фоне отговорки по поводу невозможности посетить храм являются, мягко говоря, неубедительными. Поэтому верхней позицией шкалы должно быть «не менее трех раз в месяц».

Относительно Таинств исповеди и причащения Чеснокова строит аналогичную шкалу от «раз в месяц и чаще» до «никогда в жизни». Эти икономические рассуждения так же неубедительны (и исправляются аналогично), потому что не соответствуют вышеперечисленным апостольским правилам, от которых воцерковленному верующему нельзя

отклоняться примерно так же, как членам КПСС нельзя было отклоняться от генеральной линии партии. Даже если абстрагироваться от соотношения религиозного сознания и религиозной деятельности, даже если забыть о несоответствии канонам, то некоторые части В-индекса всё равно являются инвалидными. На это есть две причины: а) сумма того, что измеряется вариантами ответов шкалы, не совпадает с измеряемым в вопросе; б) шкала сама по себе нелогична, поэтому априори не может измерить верно.

«Третьей переменной мы поставили регулярность чтения Евангелия. В идеале, православный человек должен читать Евангелие каждый день... нижнюю позицию шкалы по этой переменной занимают, естественно, никогда не читавшие Евангелия. А верхнюю – читающие более или менее регулярно и не только Евангелие, но и те тексты, которые также употребляются за Богослужением и также предлагаются православным на каждый день» [Чеснокова, 2005: 23]. В данном случае шкала измеряет больше, чем предусмотрено самой переменной: в вопросе фигурирует только Евангелие, а последний вариант ответа предполагает еще и другие тексты. Поэтому необходимо либо переформулировать вопрос, добавив в него и другие церковные тексты, либо верхнюю позицию шкалы, исключив из нее эти тексты. На наш взгляд, предпочтительным является первый вариант: если тексты предлагаются православным в богослужебной церемонии, то учет их чтения лучше вписывается в каноническую логику, чем исключение.

По поводу молитвы Чеснокова указывает: «... нужно обращать внимание интервьюера, чтобы в последней позиции выделить слово "стараюсь", поскольку опущение ежедневных правил – весьма частое явление в бурной жизни христианина...» [Чеснокова, 2005: 24]. Вообще тут смешаны два параметра: частота (никогда, иногда, часто, постоянно) и тип молитвы (своя либо церковная – в последнюю входят утреннее и вечернее правила). По законам комбинаторики получается восемь вариантов – сократить это число до пяти без ущерба для полноты шкалы невозможно. Поэтому нужно отказаться от деления молитв на церковные и нецерковные, добавив в перечень частот вариант «редко» – тогда шкала будет и полной, и симметричной, о необходимости чего [Горшков, Шереги, 2011: 65].

Что же касается постов, то автор совершенно права, указывая, что «есть множество причин, признаваемых также и Церковью, когда пост приходится снимать. Для женщин это беременность и кормление детей, для мужчин – дальние разъезды, а также для тех и других – здоровье, пребывание в гостях...» [Чеснокова, 2005: 25]. Но из этого вовсе не следует необходимость включать в верхнюю позицию «стараюсь». Канонические причины для отказа от поста входят в число правил поста, следовательно, даже если респондент отказывается от поста (по канонической причине), то нельзя считать, будто он не соблюдает пост. Таким образом, слово «стараюсь» из формулировки вопроса следует вычеркнуть и поставить глагол «соблюдать».

Аналогичные проблемы усматриваются не только в основных, но и в дополнительных вопросах В-индекса. Например, в вопросе о Символе веры бессистемно смешано знание этой молитвы наизусть и её понимание. В соответствии с морфологическим подходом, эти два параметра с бинарным множеством значений следовало бы объединить так: «не знаю наизусть и не понимаю содержания», «знаю наизусть, но не понимаю содержания», «понимаю содержание, но не знаю наизусть», «понимаю содержание и знаю наизусть».

В вопросе о религиозной литературе варианты распределены иерархически, но каждый следующий не предполагает одновременно наличия предыдущего: «"есть Библия и Евангелие (или одна Библия, или только Евангелие)", "есть Молитвослов (при наличии Библии и Евангелия или без них)", у меня есть Псалтирь (отдельно от Молитвослова), акафисты или каноны (напечатанные типографским способом или переписанные), "у меня есть Минеи, Октоих, Триодь (постная или цветная)"» [Чеснокова, 2005: 34]. Представляется, что в данном случае следовало бы соблюсти кумулятивный принцип от самой простой литературы до самой сложной: Евангелие, затем Библия в целом, Молитвослов и Библия, они же вместе с акафистами и т.д. Точно так же организованы шкалы основных вопросов: например, посещение храма раз в месяц уже предполагает посещение его раз в год, и т.п.

Непонятно, зачем человеку Октоих, если у него нет даже Библии. По-видимому, существуют респонденты, воспринимающие православные священнодействия чисто магически. Именно для таких людей характерно наличие практических богослужебных руководств при отсутствии минимума «теоретической подготовки» (понимания Священного писания и основных канонов). И если не соблюсти кумулятивный принцип религиозной литературы, то в числе православных окажутся колдуны со своими клиентами. Это хорошо иллюстрируется с использованием еще одной группы вопросов на суеверие, магию, астрологию, экстрасенсорику и т.п., самостоятельно разработанных Ю.Ю. Синелиной в дополнение к методике В.Ф. Чесноковой: «Группа «воцерковленных» самая суеверная по вере в приметы и по влиянию примет на поведение, в ней самая большая доля респондентов, которые практикуют гадания и обращаются к колдунам... Доля тех, кто сам практикует колдовство, предсказывает будущее, примерно соответствует средней по массиву» [Синелина, 2005].

Далее, в вариантах ответа на вопрос о церковно-славянском языке смешаны факты и желания респондента: «"не знаю", "не знаю, но хотел бы научиться", "я понимаю на слух (особенно знакомые тексты) и могу читать, если текст написан современным шрифтом", "я понимаю по церковно-славянски и могу читать"» [Чеснокова, 2005: 34]. Вряд ли стоит отделять церковно-славянский шрифт от церковно-славянского языка в целом – это противостоит естественности и логичности. Используя морфологический подход, предложим такую шкалу: «не знаю и не хочу научиться», «не знаю, но хочу научиться», «знаю, но не хочу усовершенствоваться», «знаю и хочу усовершенствоваться». Разделять зрительное и слуховое восприятие (а тем более

осложнять это разделение шрифтовыми нюансами) не следует, иначе по законам комбинаторики будет восемь вариантов ответа, а шкалой предусматривается лишь четыре. Опускать какие-то из них нельзя, иначе суммарно варианты ответов шкалы будут измерять меньше, чем предусмотрено вопросом.

Наконец, весьма странно, что в вопросе о составе библиотеки вариант «литература по истории Церкви» является более слабым, чем «жития святых» [См. Чеснокова, 2005: 34]. Разве святые не принимали участия в церковно-историческом процессе, а их жития не повествуют об истории их жизни? По-видимому, нет. Но как тогда святые в отдельности могут быть сильнее святых вместе с Церковью?! Непонятно, почему аскетическая литература сильнее философско-богословской и т.д. В сущности, в одном этом вопросе скрывается несколько – целесообразно разнести каждый вариант ответа (вид литературы) по отдельному вопросу, в котором градации четырехчленной шкалы будут отражать долю соответствующего вида литературы в библиотеке респондента.

Количественная критика В-индекса. Мы проверили принципы обработки данных В.Ф. Чесноковой с помощью компьютерной программы «Аксиома и воцерковленность 1.0», однако, внесли в табл. 1 лишь часть полученных данных. На это есть две причины: а) в эмпирических исследованиях В-индекс применяется, в основном, без дополнительных вопросов; б) даже если есть необходимая вычислительная техника, то далеко не каждая программа способна работать с большим количеством данных, которые должны получиться при полном переборе всех возможных комбинаций ответов на основные и дополнительные вопросы.

Вообще говоря, блоки основных и дополнительных вопросов представляют собой единую анкету. Поскольку в первом блоке пять параметров с пятью значениями, а во втором – шесть с четырьмя, постольку общее число уникальных анкет составляет по законам комбинаторики $5^5 * 4^6 = 12800000$ штук. Разумеется, уникальных в теоретическом смысле, а не эмпирическом (очевидно, что одну и ту же комбинацию ответов на вопросы могут дать несколько разных респондентов). Поэтому мы разделили единую уникальную анкету в соответствии с логикой Чесноковой на две части: основную и дополнительную.

Выявлено, что результаты по основным вопросам смещаются в сторону повышения степени воцерковленности. Если мы имеем пять параметров с пятью возможными значениями в каждом, то число их комбинаций (т.е. число групп воцерковленности) составляет $5^5 = 3125$ штук, каждую из которых мы будем называть первичной группой воцерковленности. Математически она представляет собой множество, мощность которого выражается натуральным числом – количеством респондентов, давших ту или иную комбинацию ответов на вопросы анкеты. Но для того чтобы можно было охарактеризовать методологическую объективность алгоритма агрегирования первичных групп воцерковленности (т.е. еще до

эмпирического этапа исследования), мы принимаем их *tabula rasa*, считаем эти множества пустыми, т.е. их мощность равна нулю. Очевидно, что классификация, состоящая из 3125 одноуровневых элементов, будет затруднять циркуляцию как чисто социологической, так и социально-технологической информации. Какую же редукцию проводит Чеснокова? Пусть A_i – вторичная группа воцерковленности, i – номер этой группы (от 1 – О до 5 – Ц), $G_{k,l}$ – первичная группа воцерковленности, k – каждый из пяти критериев воцерковленности, l – номер ответа в каждом из критериев (от 1 – самой нижней позиции до 5 – самой верхней). Тогда, по мнению Чесноковой, $A_i = \{G_{k,l} \mid i = \max(l)\}$ – это можно назвать «принципом сильнейшего ответа». Такая формула поднимает позицию респондента в системе координат православности.

Если бы перечень групп воцерковленности строился не с нижних позиций шкал, а с верхних (т.е. если $A_i = \{G_{k,l} \mid i = \min(l)\}$ – «принцип слабейшего ответа»), то тогда в группу Ц попадали бы только респонденты, достигшие верхней (пятой) позиции по всем пяти критериям (а не хотя бы по одному, как у Чесноковой). В группу П – имеющие хотя бы одну четвертую позицию (а остальные – пятые; возможно, две четвертых и три пятых, три четвертых и две пятых, четыре четвертые и одну пятую, все четвертые). В группу Н – имеющие хотя бы одну третью позицию (остальные – такие же или более высокие, главное, что не ниже третьей), и так далее. Этот принцип зачисления в группы опускал бы позицию респондента по шкале, и он ничем не хуже поднятия, потому что ни один из них (и вообще никакой другой) не следует из предварительной дефиниции «воцерковленного респондента». Такой дефиниции попросту нет, есть лишь утверждение постфактум о том, что православные воцерковленные – это совокупность групп П и Ц, т.е. определение дается по уже завышенным результатам.

Нам известен подход М. Вебера, который, на первый взгляд, позволяет давать дефиницию предмета не до исследования, а после: «Определение того, что есть религия, не может быть дано в начале исследования такого типа, каким является наше, – оно может быть дано только его конце» [Вебер, 1994: 78]. Тем не менее, мы считаем этот подход здесь неприменимым, потому что между религиозностью и воцерковленностью существует принципиальная разница. В отличие от религиозности, воцерковленность изначально декларируется как количественно измеряемая эмпирическая категория, поэтому в отношении неё подход М. Вебера означал бы «измеряю то, не знаю что». Кстати, если уж следовать веберовскому подходу, то принцип слабейшего ответа лучше подходит для В-индекса, чем сильнейшего. Дело в том, что, согласно христианской доктрине, верующие являются частями единого тела Христа, они интегрированы в духовную систему. К этой системе можно подойти с позиции А.А. Богданова: «В числе общих законов организационной науки, которую он стремился разработать, фигурирует, в частности, «закон наименьших». В нем постулируется то, что прочность любой цепи определяется наиболее слабым из ее звеньев...» [Цит. по Тощенко, 2011: 26]. Прочность той или иной вторичной группы воцерковленности должна определяться

наиболее слабой первичной группой воцерковленности, которая в нее включается. И при реализации принципа слабейшего ответа столбец с распределением первичных групп воцерковленности по вторичным просто отразился бы относительно третьей группы: в группе Ц была бы всего одна группа, а в группе О – 2101 (см. табл.1).

Необязательно делать выбор только между принципами сильнейшего или слабейшего ответов. Известно довольно много способов измерять расстояние между двумя объектами (в нашем случае – между наиболее высокой степенью воцерковленности и менее высокой). Самые известные метрики разработали Евклид, Риман, Лоренц, Лобачевский, Хаусдорф. Существуют даже такие экзотические виды, как дискретная метрика и французская железнодорожная метрика. Возникает вопрос: какая же метрика правильная? Однозначного ответа на него мы дать не можем, однако, представляется, что наиболее естественным будет исходить из логики производимого процесса – статистической сводки первичных групп воцерковленности во вторичные. Такое агрегирование данных осуществляется, как правило, на основе минимизации среднеквадратических отклонений. Поясним эту логику на гипотетическом примере. Допустим, что некая бабушка живет где-то в отдаленном населенном пункте, куда можно добраться только на пароходе или вертолете (похожий пример есть в [Чеснокова, 2005: 22] при описании путешествия новосибирского духовенства). Там нет ни своего храма, ни даже заштатного клирика – соответственно, эта старушка церковь не посещает и в таинствах не участвует, по этим переменным значение единичное. Но у нее есть (скажем, от прабабки в наследство досталось) Евангелие, которое она читает регулярно – значение четвертое. Помимо Евангелия, имеется так же полный сборник молитв и правил, которые она читает ежедневно, так что по этой переменной достигла наивысшей пятой позиции. По параметру постов: соблюдает большие посты, но среду и пятницу не держит, даже не старается. Таким образом, данная бабушка попадает в категорию церковного народа – но насколько истинным будет такая редукция первичной группы, характеризуемой пятью числами, до вторичной, характеризуемой одним числом? Вообще говоря, полностью безошибочной такая редукция может быть только в пяти случаях, когда ответы на каждый вопрос совпадают. При включении во вторичную группу других первичных групп значения ответов первичной группы будут отличаться от уровня вторичной группы. С учетом обозначений, введенных выше, для каждой вторичной группы воцерковленности вычисляется суммарное отличие первичной группы от вторичной по

формуле
$$\sigma(G_{k,l} \rightarrow A_i) = \sqrt{\frac{\sum_k (l-i)^2}{5}}.$$

В нашем примере с бабушкой $l = \{1;1;4;5;4\}$, следовательно, при включении этой первичной группы воцерковленности в пятую, наивысшую группу Ц ошибка будет составлять

$$\sigma(G_{k,l} \rightarrow A_5) = \sqrt{\frac{(1-5)^2 + (1-5)^2 + (4-5)^2 + (5-5)^2 + (4-5)^2}{5}} \approx 2,61.$$
 Необходимо сравнить это

число с аналогичными для остальных групп. Они таковы: $\sigma(G_{k,l} \rightarrow A_4) \approx 1,95$, $\sigma(G_{k,l} \rightarrow A_3) \approx 1,67$, $\sigma(G_{k,l} \rightarrow A_2) \approx 1,95$, $\sigma(G_{k,l} \rightarrow A_1) \approx 2,61$. Легко заметить, что наименее ошибочным будет включить нашу бабушку вовсе не в высшую группу церковного народа, как это делается по методике В.Ф. Чесноковой, а в среднюю группу «немного воцерковленных». И таким же образом не в свои вторичные группы воцерковленности зачисляются многие другие первичные группы. Общая картина искажений для каждой вторичной группы воцерковленности представлена в табл.1.

Данная таблица свидетельствует: индекс воцерковленности на самом деле является индексом невоцерковленности, потому что наиболее воцерковленную группу он описывает хуже всего, а наименее – лучше. Из обратной зависимости между уровнем воцерковленности и качеством его описания по методике В.Ф. Чесноковой есть только одно исключение – группа полувоцерковленных. Оно не имеет сущностного смысла, а возникло лишь по формальной причине – из-за принципа наисильнейшего ответа, применяемого в оригинале В-индекса. Если бы распределение групп строилось по принципу наислабейшего ответа, то в таком аномальном положении оказалась бы группа слабовоцерковленных. Дополнительные вопросы не решают проблему редукции, ибо алгоритм их обработки тоже заведомо повышает степень воцерковленности респондента. Следовательно, вносимые поправки вместо компенсации завышения числа православных завышают его еще больше. Если сохранить построение вторичных групп воцерковленности по принципу наисильнейшего ответа, то нужно менять алгоритм использования дополнительных вопросов, чтобы в итоге распределение первичных групп по вторичным было хотя бы похожим на то, которое получается при минимизации среднеквадратического отклонения. Каким именно должен быть этот алгоритм? Ответить на этот вопрос мы сможем после разработки следующей версии программы «Аксиома и воцерковленность». Но если строить вторичные группы по принципу минимизации среднеквадратических отклонений, то дополнительные вопросы перестают играть количественную роль – эта классификация наименее ошибочна (по крайней мере, по сравнению с классификацией В.Ф. Чесноковой). В этом случае дополнительные вопросы приобретут чисто качественный, описательный характер, и их опущение в конкретном исследовании не будет иметь радикальных классификационных последствий.

Заключение. Итак, В-индекс в его «классическом» варианте инвалиден. Основные причины этого таковы. Во-первых, крайне слабое присутствие вопросов о религиозном сознании – необходимом контексте для оценки религиозного поведения как индикатора воцерковленности или же суеверности респондента. Во-вторых, нелогичность многих имеющихся шкал, не соответствующих кумулятивному принципу, морфологическому подходу и правилам комбинаторики; кроме того, объем измеряемого феномена по некоторым шкалам не совпадает с объемом, который предполагается измерить в тексте вопроса. В-третьих, алгоритм

обработки эмпирических данных существенно искажает картину воцерковленности в сторону ее повышения.

Таким образом, В.Ф. Чеснокова и ее сторонники в исследовании воцерковленности идут, может быть, и «тесным путем», но явно не туда, куда намереваются: они удаляются от истинного знания в сторону ложного знания. Однако ситуация поправима, если В-индекс существенно усовершенствовать; основные направления необходимой его доработки мы обозначили. В дальнейших исследованиях осталось лишь прояснить ситуацию с дополнительными вопросами. В предисловии [Чеснокова, 2005: 13] о критике несогласных коллег сказано: «Во всем этом прослеживается неодолимое желание любыми способами преуменьшить число православных в стране, выставить их в наиболее неблагоприятном свете...». Как показано в настоящей статье, верно и обратное: в самом В-индексе Чесноковой можно усмотреть желание преувеличить число православных в стране, выставить их в наиболее «благоприятном» свете. Не совсем понятно, зачем православным социологам завышать численность воцерковленных единоверцев? Неужели те, кто склонен к этому, забыли Священное Писание - «много званых, а мало избранных» (Мф. 20:16), и что Царствие Небесное подобно горчичному зерну и закваске (Мф. 13,31-32; Мф. 13, 33; Лк. 13,20-21).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева М.С. Воцерковленность как показатель религиозности //Социол. исслед. 2009. №9.

Апостольские правила [Электронный ресурс] URL: <http://magister.msk.ru/library/bible/comment/apostp/apostpr.htm> (дата обращения: 07.08.2011).

Богатова О.А. Религиозная идентичность и религиозные практики в Мордовии //Социол. исслед. 2011. №8.

Вебер М. Социология религии (Типы религиозных сообществ) //Избранное. Образ общества. М., 1994.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. М., 2011.

Лебедев С.Д. Парадоксы религиозности в мире Позднего Модерна //Социол. исслед. 2010. № 12. С. 81-90.

Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках «рубикона» //Социол. журнал. 2005. № 4. С. 153-168.

Локосов В.В., Синелина Ю.Ю. Религиозное состояние современного российского общества (социологические аспекты). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/cis.php?act=analysis&div=103> (дата обращения: 13.11.2011).

Пашков Д. Икономия как принцип церковного права //Журнал Московской Патриархии. 2011. №8.

Правила Антиохийского собора [Электронный ресурс] URL: <http://krotov.info/acts/canons/0341anti.html> (дата обращения:07.08.2011).

Синелина Ю.Ю. Воцерковленность и суеверное поведение жителей Ярославской области // Социол. исслед. 2005. №3.

Синелина Ю.Ю. Динамика процесса воцерковления православных //Социол. исслед. 2006. №11.

Синелина Ю.Ю. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций// Социол. исслед. 2009. №4.

Тощенко Ж.Т. Социология управления. М., 2011.

Узланер Д.А. Секуляризация как социологическое понятие //Социол. исслед. 2008. №8.

Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социол. исслед. 2005. №6.

Чеснокова В.Ф. Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века». М., 2005.

Marsh C. Russian Orthodox Christians and Their Orientation toward Church and State / Perspectives on Church-State relations in Russia: J.M. Dawson institute of church-state studies Baylor university, 2008.